

Надлежащее и реальное исполнение договорных обязательств по российскому праву

Д. С. Алякин

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Для цитирования: Алякин, Дмитрий С. 2020. «Надлежащее и реальное исполнение договорных обязательств по российскому праву». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 584–600. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.304>

В статье исследуется надлежащее и реальное исполнение договорных обязательств по праву России, а также определяется соотношение этих категорий. Актуальность работы обусловлена развитием рыночной экономики и сопутствующим возрастанием роли исполнения договорных обязательств, которое опосредует перемещение благ между участниками гражданского оборота. Эффективность этого процесса, способствующего экономическому росту государства, возможна при надлежащем исполнении обязательств. Цель исследования — изучение сущности и структуры надлежащего и реального исполнения для выявления их взаимосвязи и значения в ходе исполнения обязательств. Материалом работы послужили Гражданский кодекс РФ, российская судебная практика, а также научные труды отечественных авторов в области гражданского права. Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез, аналогия) и специальные юридические методы (сравнительно-правовой, формально-логический, системный, структурно-функциональный и метод толкования). Обосновано выделение по праву России принципа надлежащего исполнения договорного обязательства. Этот принцип целесообразно рассматривать как организованную совокупность условий (надлежащие предмет, лица, способ, срок, место и др.), среди которых основное предписание — исполнение обязательства в натуре (реальное исполнение). Надлежащее и реальное исполнение обязательств соотносятся как общее и частное. Реальное исполнение — это не принцип, а предъявляемое к исполнению обязательств требование, так как у данного требования отсутствует универсальный характер ввиду наличия определенных ограничений и условий для его реализации. В то же время исполнение в натуре продолжает сохранять большое значение при исполнении преимущественно долгосрочных договорных обязательств и обязательств, вытекающих из договоров с участием компаний-монополистов.

Ключевые слова: исполнение договорных обязательств, принцип надлежащего исполнения, требование реального исполнения, требование исполнения в натуре, российское право, гражданское право.

1. Введение

В настоящее время одним из влияющих на экономическое развитие государства факторов остается исполнение договорных обязательств. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть характеризующие его категории — надлежа-

щее и реальное исполнение, исследовать их сущность, значение и взаимоотношение.

Несмотря на отсутствие единства мнений в отношении грамотности использования терминологии, полагаем не совсем верным говорить об «исполнении договора» либо об «исполнении сделки». По утверждению В. С. Толстого, «исполняются именно обязанности и только обязанности, а не сделки и договоры». Это обусловлено тем, что не может исполняться сам факт, послуживший основанием для правоотношения (Толстой 1973, 19). Тем не менее С. В. Сарбаш обращает внимание, что один и тот же термин может обозначать различные понятия, и полагает, что «если многозначность термина не приводит к ошибке и соответствующая терминология прижилась в юридическом быту, то, возможно, следует более толерантно отнестись к этому положению вещей» (Сарбаш 2005). Более того, по мнению В. А. Хохлова, «в выражении “исполнить договор” есть большой смысл, так как, во-первых, подчеркивается исполнение обязательств всеми сторонами, а во-вторых, фиксируется достижение конечных целей» (Хохлов 2015, 160). С учетом изложенного, несмотря на допустимость отступления от сложившейся практики, целесообразно по возможности использовать более правильную с юридической точки зрения терминологию (исполнение обязательства, обязанности), что позволит точнее и всестороннее выразить конкретную мысль или идею.

2. Основное исследование

2.1. Принцип надлежащего исполнения

Принцип надлежащего исполнения¹ прямо не закреплен в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ)², однако явно вытекает из ст. 309 ГК РФ (части первой) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику Российской Федерации приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 2 февраля, 2019. <http://www.consultant.ru>), которая предусматривает, что «обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями». Использование трех основных

¹ «Как неоднократно указывал Конституционный суд РФ, в ст. 309 ГК РФ содержится норма-принцип, закрепляющая обязанность надлежащего исполнения обязательств и устанавливающая требования, которым должно соответствовать исполнение (определения от 18.04.2006 № 111-О, от 19.06.2012 № 1135-О и др.)» (Определение Конституционного суда РФ от 25.09.2014 № 2263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонова Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав п. 1 и 2 ст. 2 Жилищного кодекса РФ и ст. 309 Гражданского кодекса РФ»).

² Принцип надлежащего исполнения также не был прямо закреплен в Основах гражданского законодательства СССР и (союзных) республик и ГК РСФСР от 11.06.1964. Так, О. С. Иоффе отмечал, что «в ч. 1 ст. 168 ГК [РСФСР] особо выделяются два элемента надлежащего исполнения обязательств: способ и срок. Но если принять во внимание другие общие нормы, количество этих элементов значительно возрастает. Понятие надлежащего исполнения обязательства охватывает исполнение его надлежащими субъектами, в надлежащем месте и в надлежащее время, в отношении надлежащего предмета и надлежащим способом» (Иоффе 2004, 115–116).

и двух дополнительных источников обусловлено тем, что «принцип надлежащего исполнения <...> сам по себе не отвечает на вопрос, чему должно соответствовать исполнение, чтобы оно признавалось надлежащим» (Сарбаш 2016, 37). Поэтому их применение позволяет установить, было ли обязательство исполнено надлежащим образом.

Учитывая закрепленную в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий, «надлежащее исполнение следует рассматривать в качестве предполагаемой цели вступления сторон в договорные отношения <...> поскольку в силу п. 1 ст. 408 ГК РФ надлежащее исполнение прекращает обязательство» (Дерхо 2017). Пристальное внимание законодателя именно к надлежащему исполнению подтверждает «основополагающее значение данного основания прекращения обязательства» (Сарбаш 2016, 313). Однако не следует связывать прекращение обязательства исключительно с надлежащим исполнением, поскольку «в некоторых случаях даже ненадлежащее исполнение, принятое кредитором, прекратит обязанность должника к совершению того действия, к которому он обязался» (Сарбаш 2005) (например, должник осуществляет поставку товара в ненадлежащее место или с нарушением любого другого условия, а кредитор это одобряет).

В основе принципа надлежащего исполнения, по мнению Е. А. Суханова, лежит более широкая категория — «договорная дисциплина». Соблюдение договорной дисциплины «предполагает необходимость точного и своевременного исполнения сторонами договора всех своих обязанностей в строгом соответствии с условиями их соглашения и требованиями законодательства» (Суханов 2005, 49), что «дает возможность кредитору удовлетворить потребности и свидетельствует о нормальном функционировании рыночных отношений» (Кулаков 2015, 29). При этом Н. И. Краснов утверждал, что в понятие «договорная дисциплина» «включается не только дисциплина исполнения, но и дисциплина заключения договоров» (Краснов 1959, 20).

Надлежащее исполнение базируется на соглашении сторон, которое при наличии регламентирующих его императивных правил выступает проявлением диспозитивного правового регулирования. К. Я. Ананьева уточняет, что следует вести речь именно о диспозитивности норм, регулирующих надлежащее исполнение, поскольку «применительно к принципу нельзя говорить ни о его императивности, ни о диспозитивности» (Ананьева 2017, 87). В силу принципов диспозитивности и свободы договора стороны вправе «свободно, по своей инициативе, самостоятельно и в соответствии со своими интересами» (Шевченко 2015, 8–9) определять условия обязательства, которые могут отличаться от (диспозитивных) правил, предусмотренных законом, что подтверждает наличие у участников гражданского оборота широкой свободы при их согласовании. Необходимо учитывать, что «условия обязательства в зависимости от его правовой природы определяются, исходя из существа достигнутого сторонами соглашения (с учетом, например, правил о форме сделки) <...> а обязательные требования — исходя из правил о действии нормативных правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц» (Дерхо 2017). Таким образом, лежащее в основе надлежащего исполнения договорных обязательств соглашение сторон регулируется не только диспозитивными нормами, но и в определенной степени императивными предписаниями.

Указанный принцип «адресован не только должнику, но и кредитору, и для последнего это выражается в исполнении так называемых кредиторских обязанностей» (Сарбаш 2005), «например, обязанности по оказанию содействия (п. 3 ст. 307, ст. 718, 750, 762, п. 2 ст. 1031 ГК РФ), принятию надлежащего исполнения (п. 1 ст. 406 ГК РФ), выдаче расписки, принятию долгового документа (п. 2 ст. 408 ГК РФ)» (Гурова 2018, 114), которые следует отличать от обычных предусмотренных законом или договором обязанностей. Такие вспомогательные действия — кредиторские обязанности — сопутствуют исполнению обязательства, не входя в его предмет, в условиях, когда кредитор не является обязанным субъектом, так как «он “обязан” лишь для себя, а не для других» (Кулаков 2015, 105), несмотря на то что должник вправе требовать от кредитора их исполнения. По утверждению Э. А. Гуровой, ключевое отличие обязанности должника от кредиторской обязанности заключается в том, что последняя «не образует основу правового статуса кредитора как субъекта обязательства, т.е. не вытесняет, а в некотором роде дополняет субъективное право кредитора, способствуя его реализации посредством оказания содействия должнику» (Гурова 2018, 114). Таким образом, кредиторские обязанности не меняют кредитора и должника местами, а их выполнение кредитором не является исполнением обязательства с его стороны. Неисполнение кредиторских обязанностей влечет за собой утрату кредитором права требовать от должника надлежащего исполнения обязательства, что подчеркивает их значимую роль. Следовательно, принцип надлежащего исполнения соблюдается не только при соответствующих действиях должника, но и, как правило, при участии кредитора.

Отечественные авторы обращают внимание на важную роль этого принципа исполнения обязательств. В частности, С. В. Сарбаш исходит из того, что «принцип надлежащего исполнения является наиболее общим, базовым требованием к исполнению» (Сарбаш 2016, 37), и характеризует его как «заглавный». По мнению исследователя, «генеральный характер этого принципа заключается в том, что он в широком смысле обнимает собой все другие: принцип реального исполнения, принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства, принципы сотрудничества и добросовестности» (Сарбаш 2005). Такой же позиции придерживается ряд других ученых, в том числе А. А. Чайка, утверждающий, что «все иные принципы, связанные с исполнением обязательств, подчиняются данному принципу» (Чайка 2007, 14). Указанный подход представляется обоснованным ввиду того, что именно надлежащее исполнение приводит к прекращению обязательства, способствуя экономическому росту государства. Помимо принципа надлежащего исполнения, принцип добросовестности также реализуется в ходе исполнения обязательств.

Тезис о ведущей роли принципа надлежащего исполнения подтвержден российским законодателем, который начинает с него гл. 22 «Исполнение обязательств» ГК РФ (ст. 309–328), раскрывая его содержание через следующие требования: исполнение в отношении надлежащего предмета (ст. 317, 317.1, 320, 320.1), надлежащими лицами (надлежащему лицу (ст. 312), надлежащим лицом (ст. 313)), надлежащим способом (ст. 311, 323, 326, 327, 327.1, 328), в надлежащий срок (ст. 314, 315) и в надлежащем месте (ст. 316). Кроме перечисленных элементов, его основой выступает требование реального исполнения, т.е. исполнения в натуре (ст. 396,

308.3 ГК РФ), предполагающее совершение или воздержание от действий, представляющих собой в точности предмет обязательства. Таким образом, реальное исполнение обязательства с соблюдением всех его условий свидетельствует о надлежащем исполнении.

В основе подхода российского законодателя лежат, в частности, труды отечественных исследователей. Так, по мнению О. А. Красавчикова, «состав компонентов надлежащего исполнения обязательств — это совокупность субъектных, предметных, пространственных и иных объективных критериев, соответствие которым делает исполнение надлежащим. Кратко говоря, указанный состав отвечает, по меньшей мере, на ряд следующих вопросов: кто, что, когда, где и как должен сделать, чтобы обязательство было надлежаще исполнено» (Красавчиков 1985, 475). По утверждению В. С. Толстого, «надлежащее исполнение — это не только совершение действий известным способом, но и доставление обусловленного предмета, передача его в надлежащий срок, в установленном месте и надлежащему субъекту» (Толстой 1973, 30). Автор определил, что «надлежащим является исполнение, произведенное в соответствии с содержанием обязанности на момент ее исполнения» (Толстой 1971, 78). При этом должник несет бремя доказывания того, что обязательство было исполнено надлежащим образом.

Наиболее важным требованием в рамках принципа надлежащего исполнения, по утверждению Н. И. Краснова, является реальное исполнение (Краснов 1959, 16). Поэтому, учитывая, что «принцип надлежащего исполнения обязательства может рассматриваться как организованная совокупность элементов, каждый из которых имеет относительно самостоятельное и в то же время необходимое для существования всей системы значение» (Никитин 2017, 93), полагаем, что все указанные условия выстраиваются вокруг ключевого требования — реального исполнения (исполнения в натуре), сущность которого будет рассмотрена далее.

Таким образом, руководствуясь ст. 309, а также ст. 396 и 308.3 ГК РФ, можно сделать вывод, что договорное обязательство признается исполненным надлежаще, если совершенные должником и кредитором действия (и/или воздержание от них) будут в точности соответствовать, во-первых, условиям соглашения между сторонами и, во-вторых, требованиям закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — обычаям или иным обычно предъявляемым требованиям.

2.2. Требование реального исполнения (исполнения в натуре)

С принципом надлежащего исполнения связано реальное исполнение (исполнение в натуре), означающее «совершение или воздержание от совершения тех действий, которые составляют содержание обязательства» (Шумейко 2008, 382), другими словами — его предмет (в частности, передать вещь, выполнить работы, оказать услугу и т.п.). В случае нарушения обязательства указанное требование предусматривает «юридическую возможность кредитора потребовать от должника исполнения обязательства в натуре», т. е. «понудить должника исполнить свою обязанность в точном соответствии с содержанием предусмотренных обязательством действий» (Сарбаш 2016, 32). Это вызвано нередко имеющимся у кредитора интересом в исполнении обязательства в соответствии с его содержанием (например,

получение конкретного товара) в условиях, когда выплата неустойки и возмещение убытков могут его не устроить.

В настоящее время единство взглядов в отношении понимания реального исполнения отсутствует, а многие ученые отталкиваются от подходов советских цивилистов.

Одни авторы рассматривают реальное исполнение как принцип исполнения обязательств. Так, А. А. Иванов утверждает, что «на долгую жизнь принципа реального исполнения в России [влияют] обесценивание национальной валюты и неразвитость рынка, отсутствие полноценного бухгалтерского учета по рыночной цене, неудовлетворительная практика возмещения убытков, [поэтому] все стремятся к виндикации, а не к иску об убытках» (Иванов 2013, 82). В то же время некоторые ученые, признающие реальное исполнение в качестве принципа, констатируют снижение его значения не только в договорных отношениях, но и в судебно-арбитражной практике, подчеркивая, что «умаление принципа реального исполнения в современном гражданском обороте не соответствует фактическим обстоятельствам» (Захаркина 2015, 155).

Другие исследователи не относят реальное исполнение к числу принципов исполнения обязательств ввиду утраты им в условиях рынка значения, которое оно имело во времена социалистической командно-плановой экономики. Например, В. Ф. Яковлев отмечал: «Действующий Гражданский кодекс РФ с учетом изменившихся экономических условий не закрепляет принцип реального исполнения обязательства в качестве генерального, общеобязательного, [поскольку] в условиях рыночной экономики возмещение убытков кредитора за счет должника означает компенсацию всех потерь кредитора, в том числе и упущенной выгоды, т. е. той прибыли, которую кредитор получил бы, если бы обязательство было исполнено должником» (Яковлев 2012). Рассуждая о реальном исполнении, С. Ю. Филиппова подчеркивает, что «корректность подобного использования понятия “принцип” вызывает определенные сомнения, причем в отношении как советского гражданского права, так и современного права». «Авторы, полагающие реальное исполнение принципом исполнения, аргументов в пользу своего утверждения не приводят, кроме указаний на важность реального исполнения (что в общем-то никем и не оспаривается)». Исследователь уточняет, что «сама по себе важность того или иного положения не переводит его в разряд принципов — правового явления, имеющего иную аксиологическую сущность» (Филиппова 2011, 245–246).

Представляется обоснованным говорить именно о требовании (а не о принципе) реального исполнения (исполнения в натуре), так как в условиях рыночных отношений и соответствующего правового регулирования, содержащего объективные ограничения для его реализации на практике, оно применяется лишь в отношении ограниченного круга обязательств при наличии определенных условий. Здесь заслуживает внимания позиция С. Ю. Филипповой, которая разделяет обязательства, связанные с передачей вещей, и обязательства, заключающиеся в совершении личных действий: «Отсутствие фактической возможности заставить лицо сделать нечто против своей воли (выполнить работы или оказать услуги. — Д. А.) приводит к тому, что сфера исполнения обязательства в натуре ограничивается лишь обязательствами по передаче вещей, которые хотя и составляют большую часть гражданского оборота (в частности, весь торговый оборот), однако не обоб-

щают собой всех обязательств, не носят универсального характера» (Филиппова 2011, 243). Такое препятствие, имеющее исключительно этическую природу, является естественным.

Требование реального исполнения прямо не закреплено в ГК РФ (кроме специальных норм части второй ГК РФ, регулирующих его реализацию применительно к конкретным видам обязательств) в качестве общего правила («присуждение к исполнению обязанности в натуре» указано в качестве способа защиты гражданских прав в ст. 12 ГК РФ), однако оно вытекает из анализа ст. 310 ГК РФ, «запрещающей односторонний отказ от исполнения обязательства и изменение условий такого исполнения» (Филиппова 2011, 242), и выводится из п. 1 ст. 396 ГК РФ, который предусматривает, что «уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательства [по общему правилу] не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре». В то же время, согласно п. 2 ст. 396 ГК РФ, «возмещение убытков в случае неисполнения обязательства и уплата неустойки за его неисполнение [как правило] освобождают должника от исполнения обязательства в натуре». В связи с этим необходимо разграничивать неисполнение и ненадлежащее исполнение. Неисполнение обязательства представляет собой «деяние, по которому в реальности никакой активности обязанной стороной договорного отношения не предпринималось, а ненадлежащее исполнение предполагает, что какие-то действия все-таки осуществлялись, но обязанная сторона не выполнила их в полном объеме» (Мирончик, Боровков 2017, 95). По мнению О. С. Ерахтиной, содержащиеся в ст. 396 ГК РФ правила о соотношении требований о взыскании неустойки и возмещении убытков с исполнением в натуре направлены «прежде всего на защиту долгосрочных договоров, поскольку нарушение длительно действующих обязательств, как правило, принимает форму не полного отказа от их исполнения, а ненадлежащего исполнения» (Ерахтина 2011, 45). Реальное исполнение таких обязательств возможно в условиях, когда в нем заинтересованы обе стороны.

Следовательно, если должник приступил к исполнению обязательства, но не исполнил его должным образом, то уплата неустойки и возмещение убытков не освобождают его от исполнения в натуре. Тем не менее кредитор вправе отказаться от принятия исполнения и потребовать от должника денежные средства вместо этого. Однако если должник и не приступал к исполнению, то уплата неустойки и возмещение убытков освобождают его от исполнения в натуре, а обязательство прекращается. Таким образом, требование реального исполнения действует, как правило, в случае исполнения обязательства с нарушением каких-либо его условий (в отношении должника, кредитора, срока, места, способа, количества и/или качества предмета обязательства). Это требование может не реализовываться, если имеет место неисполнение обязательства вообще. А. Г. Карапетов, рассуждая о применении ст. 396 ГК РФ, утверждает, что «возможность требовать исполнения в натуре зависит в первую очередь от кредитора, а не от характера нарушения обязательства (имеется в виду ненадлежащее исполнение и неисполнение. — Д. А.). В случае полного неисполнения обязательства, взыскав убытки, кредитор теряет возможность предъявить <...> иск о понуждении к исполнению в натуре. Если же изначально будет подан иск об исполнении в натуре, то впоследствии у кредитора остается право требовать уплаты убытков и неустойки». Цель ст. 396 ГК РФ — «ограничить

кредитора на случай неисполнения обязательства в праве подавать иски в произвольном порядке» (Карапетов 2005, 148).

С учетом условий осуществления на практике исполнения в натуре некоторые исследователи констатируют снижение его роли в настоящее время. Так, М. С. Синявская отмечает: «Из анализа ст. 396 ГК РФ следует, что законодатель хотя и не отказался полностью от принципа реального исполнения, но значительно сузил сферу его применения, которая теперь ограничивается лишь случаями ненадлежащего исполнения обязательства» (Синявская 2007, 30). По мнению В. Ф. Яковлева, содержащаяся в п. 2 ст. 396 ГК РФ диспозитивная «норма является, по существу, отказом от принципа реального исполнения обязательства» (Яковлев 2012). Более того, Л. И. Шевченко подчеркивает, что ГК РФ, «сохранив требование о реальном исполнении, предусматривает многочисленные отступления от него (ст. 396–398, 409, 415)» (Шевченко 1997, 150). Помимо указанных исключений, в этот перечень можно включить иные основания (содержащиеся в ст. 310, 410, 412–414, 416–419 ГК РФ), наступление которых также может препятствовать исполнению в натуре.

В 2015 г. российский законодатель развил регулирование реального исполнения в имущественном обороте посредством принятия Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ» и внесения дополнения в ГК РФ в виде ст. 308.3, п. 1 которой в случае неисполнения обязательства должником наделяет кредитора правом «требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено [ГК РФ], иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства». Другими словами, кредитор в случае неисполнения обязательства получил право подавать иски об исполнении его в натуре не только в отношении индивидуально-определенных вещей по правилам ст. 398 ГК РФ, но и в иных случаях.

А. Г. Карапетов, рассуждая о модальностях реализации новой нормы на практике, полагает: «Принуждение к исполнению в натуре возможно либо в тех случаях, когда исполнение возможно без участия ответчика (обязанности передать недвижимость, доли, акции, патенты и товарные знаки, имеющиеся у ответчика товары и т. п.), либо когда замена должника затруднена (например, исполнитель или подрядчик являются монополистами)» (Карапетов 2015). Таким образом, определяющим фактором является наличие или отсутствие возможности исполнить обязательство без участия должника.

С. Ю. Филиппова подчеркивает: «Буквальное толкование положений п. 1 ст. 308.3 ГК РФ в корреляции с п. 2 ст. 396 ГК РФ не позволяет однозначно определить, какая из норм имеет приоритет. <...> Две нормы имеют идентичную гипотезу (неисполнение обязательства) и противоположные диспозиции (имеет право требовать исполнения в натуре и освобождается от исполнения в натуре)» (Филиппова 2016, 408–409). «Буквальное толкование <...> статьи [308.3 ГК РФ] приводит к выводу, что в законе получил закрепление принцип реального исполнения, [однако] предусмотренная законом возможность ограничивать его действие [содержащейся в ст. 307.1 ГК РФ] специальной нормой <...> фактически приводит к тому, что норма п. 1 ст. 308.3 ГК РФ в большинстве случаев не подлежит применению» (Филиппова 2016, 33). В частности, это проявляется в наличии оговорок, ограничивающих доступность соответствующего иска кредитору.

Кроме этого, в ст. 308.3 ГК РФ за неисполнение должником судебного акта о принуждении к исполнению в натуре была установлена судебная неустойка, которая «носит компенсационный и штрафной характер и является аналогом известной французскому гражданскому законодательству меры штрафного воздействия под названием “астрент”» (Кархалев 2017). По ходатайству кредитора суд определяет размер указанной неустойки с целью побудить должника исполнить судебное решение, чтобы для него это было выгоднее, чем его неисполнение и, как следствие, чем выплата неустойки.

Для обеспечения единства практики применения судами соответствующих положений ГК РФ Пленум Верховного суда РФ (далее — ВС РФ) в Постановлении от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» дал разъяснения судам. В частности, в соответствии с п. 22 и 23 суды, руководствуясь ГК РФ, иными законами, договором или исходя из существа обязательства, должны определить, является ли его исполнение в натуре объективно возможным. Были предусмотрены исключения, когда исполнить обязательство в натуре невозможно:

- гибель индивидуально-определенной вещи, которую должник был обязан передать кредитору;
- наличие акта органа государственной власти или органа местного самоуправления, которому противоречило бы исполнение обязательства;
- исполнение обязательства настолько связано с личностью должника, что его принудительное исполнение нарушило бы принцип уважения чести и достоинства гражданина (например, исполнение музыкального произведения на концерте).

В приведенном перечне содержатся основания прекращения обязательства, вследствие наличия которых происходят освобождение должника от обязанности по его исполнению и утрата кредитором соответствующего права требования.

В абз. 2 п. 28 названного Постановления Пленум ВС РФ указал, что уплата судебной неустойки «не влечет прекращения основного обязательства, не освобождает должника от исполнения его в натуре, а также от применения мер ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение (п. 2 ст. 308.3 ГК РФ)». Следовательно, судебная неустойка призвана мотивировать должника исполнить обязательство в натуре.

Таким образом, подход законодателя, который оставил без изменений ст. 396 ГК РФ, диспозитивный характер п. 2 ст. 396 и п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, а также особенности реализации на практике указанных статей подтверждают, что реальное исполнение не является принципом.

Нарушение должником обязательства влечет за собой принятие кредитором решения об осуществлении исполнения в натуре либо об отказе от исполнения. Как отметил Ф. И. Гавзе, «требование реального исполнения является для гражданина всегда правом, а не обязанностью» (Гавзе 1972, 155), т. е. действия кредитора, нацеленные на то, чтобы обязательство было исполнено в натуре, — его право, а не обязанность неисправного должника. В. С. Толстой полагал, что «реальное исполнение как принцип в <...> гражданском праве отсутствует, поскольку исполнять или не исполнять обязанность по истечении срока целиком зависит от рассмотре-

ния кредитора, [которому закон предоставляет в большинстве случаев] право решения данного вопроса» (Толстой 1973, 52–53). В случае нарушения обязательства решение о его судьбе, в частности о понуждении должника к исполнению в натуре, всегда остается за кредитором, что дополнительно подтверждает отсутствие у реального исполнения статуса принципа.

В условиях административно-плановой экономики реальное исполнение являлось скорее принципом исполнения обязательств (несмотря на наличие ограничений и условий для его реализации на практике) и занимало преобладающее положение (наряду с принципом надлежащего исполнения) среди других принципов (ввиду соответствующего подхода правоприменителя и экономических реалий). Это было обусловлено объективными причинами. Во-первых, необходимость исполнить план приводила к тому, что стороны были «не вольны своим соглашением отменить обязательность исполнения и предусмотреть замену его денежным эквивалентом» (Новицкий 1948, 155). Во-вторых, отсутствие у денег роли всеобщего эквивалента не позволяло кредитору восполнить недостающие товары или получить неоказанные услуги в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения должником обязательства, что вело к неисполнению плана. Так, М. И. Кулагин отмечал, что «отказ от исполнения или ненадлежащее исполнение договора в современных условиях (имелось в виду советское время. — Д. А.) могут повлечь за собой лавинообразный процесс расстройств хозяйственных связей» (Кулагин 2004, 299).

В период перехода к рынку принцип реального исполнения, несмотря на постепенную потерю прежней роли, в некоторой степени сохранял свое значение. Это обуславливалось тем, что в условиях угрозы обесценивания денежных средств указанный принцип предоставлял кредитору право требования от должника передачи вещей, результатов работ и оказания услуг, о которых стороны договорились изначально. Однако, по мнению М. И. Брагинского, «развитие рыночного хозяйства сделало свободными меновые операции участников оборота по поводу товаров (работ и услуг)», что привело к утрате в определенной степени своего значения основным принципом так называемых хозяйственных договоров — «никакие денежные выплаты не способны заменить реальное исполнение». Тем не менее сложившаяся в тот период ситуация не свидетельствует, что «реальное исполнение перестало вообще играть какую бы то ни было роль, [ведь] замена передачи товара, выполнения работ или оказания услуг чем-то другим все же далеко не всегда способна удовлетворить нарушенный интерес потерпевшей стороны» (Брагинский, Витрянский 2011, 421–422).

В настоящее время рыночная экономика вышла на совершенно новый уровень развития. Наблюдается тенденция снижения роли утратившего первоначальное значение реального исполнения, в том числе на практике, поскольку кредитор зачастую имеет множество вариантов получения необходимых ему товаров и услуг от других контрагентов, за исключением ситуаций, складывающихся на определенных рынках с компаниями-монополистами. Следовательно, в большинстве случаев (в частности, кроме указанного исключения) кредитор имеет возможность полностью удовлетворять свой интерес посредством получения требуемых товаров и услуг от других контрагентов, а также взыскания с неисправного должника всех понесенных убытков и неустойки из-за нарушения обязательства.

Кроме того, за последние десятилетия роль и значение реального исполнения претерпели изменения не только в России, но и в правовых системах иностранных государств. «Если континентальное право изначально стояло на принципе реального исполнения, а общее право изначально его полностью отрицало, то теперь наблюдается постепенное смягчение этого принципа в континентальном праве и, соответственно, постепенное расширение перечня случаев, когда допускается исполнение в натуре (*specific performance*) в общем праве» (Синявская 2007, 30). О. С. Ерахтина, проанализировав правовое регулирование осуществления реального исполнения обязательств в соответствии с Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., национальными законодательными актами Франции, США и практикой их применения, а также некоторыми актами нового *lex mercatoria*, сформулировала общие объективные ограничения исполнения в натуре, которыми российские суды также могут руководствоваться при вынесении решений:

- исполнение в натуре невозможно из-за правовых и фактических причин;
- исполнение сопряжено с непропорционально большими расходами;
- обязанность должника носит личный характер;
- обязательство связано с принуждением должника к какой-либо творческой деятельности или сотрудничеству;
- получить исполнение можно из других источников;
- кредитор не добивается его в течение разумного времени после того, как стало известно о неисполнении (Ерахтина 2012, 52–53).

С учетом изложенного и руководствуясь ст. 396 и 308.3 ГК РФ, можно полагать, что всегда остающееся на усмотрение кредитора (в случае нарушения обязательства) реальное исполнение (исполнение в натуре) вряд ли следует рассматривать как принцип ввиду наличия ограничений и условий для его реализации на практике. Недопустимо умалять значение указанного требования при исполнении преимущественно долгосрочных договорных обязательств и обязательств, вытекающих из договоров с участием компаний-монополистов.

2.3. Соотношение между надлежащим и реальным исполнением

В юридической литературе ведется дискуссия о взаимосвязи между надлежащим и реальным исполнением обязательств.

Одни авторы (например, М. И. Брагинский) исходят из того, что «реальное и надлежащее исполнение — разноплоскостные явления, <...> в первом выражена сущность исполнения как совершения определенного действия (либо воздержания от него. — Д. А.), а во втором — качественная характеристика действия (воздержания от действия)» (Брагинский, Витрянский 2011, 420). Таким образом, совершение действия (воздержание от него) характеризует реальное исполнение, качество его осуществления — надлежащее исполнение. Схожую позицию занимает А. А. Волос, который полагает, что надлежащее исполнение «выражает качество исполнения как определенного действия (субъект, срок, место и т. п.)», а реальное исполнение — «сущность определенного действия (исполнения обязательства)» (Волос 2013, 32). С этими учеными солидарен В. В. Кулаков: «Принцип реального исполнения обяза-

тельств (исполнения обязательства в натуре) вытекает из принципа надлежащего исполнения, [однако указанные принципы] несравнимы и дополняют друг друга, нарушения их дают право на разные способы защиты» (Кулаков 2015, 92–93).

Другие авторы (в частности, А. В. Венедиктов) полагают, что реальное исполнение «охватывает надлежащее выполнение всех количественных и качественных показателей: не только своевременную сдачу всего количества предусмотренной договором продукции, но и сдачу ее в условленном ассортименте, в соответствии с утвержденными стандартами и техническими условиями, в комплектном виде, а также своевременное восполнение недостатков в отдельных партиях, немедленное исправление допущенных недостатков или замену недоброкачественной продукции продукцией надлежащего качества и т. д.» (Венедиктов 1954, 164). О. С. Иоффе отмечал: «На стадии нормального развития обязательства [принцип реального исполнения] предполагает надлежащее исполнение, а после допущенной должником неисправности — исполнение в натуре» (Иоффе 2004, 107–108). С этими учеными не соглашается А. А. Волос, рассуждения которого представляются обоснованными. В первом случае он обращает внимание на то, что А. В. Венедиктов «неоправданно расширил сущность категории “реальное исполнение”, так как соблюдение условий о количественных и качественных показателях, сроке, ассортименте, качестве (соответствие стандартам) относится к надлежащему исполнению, а не к реальному». Во втором случае ученый подчеркивает, что О. С. Иоффе буквально приравнивал реальное исполнение к надлежащему, которое «включает в себя, в частности, соблюдение условий о сроке, качестве, количестве и т. п.». В то же время исполнение в натуре не предполагает соответствия указанным условиям (Волос 2015, 163).

Третья группа авторов (в том числе Н. И. Краснов) отмечает, что более общее понятие «надлежащее исполнение» охватывает одно из частных требований — реальное исполнение, которое из всех требований о надлежащем исполнении является главным, без которого «все остальные требования стали бы беспредметными в буквальном смысле этого слова, так как прочие условия имеют в виду срок, способы, место предоставления кредитору предмета обязательства и т. д.» (Краснов 1959, 16). Г. А. Свердлык говорил об отсутствии у требования реального исполнения самостоятельного характера: «Надлежащее исполнение обязательств охватывает собой исполнение их реально, т. е. надлежащим предметом, надлежащими субъектами, в надлежащем месте и в надлежащее время, а также надлежащим способом» (Свердлык 1985, 28). Г. И. Стрельникова занимает более конкретную позицию (которая близка к подходу Н. И. Краснова): «Реальное исполнение (исполнение в натуре) не является самостоятельным принципом обязательственного права, а составляет лишь одно из частных требований, условие, аспект надлежащего исполнения обязательства в отношении его предмета» (Стрельникова 1998, 361). В такой трактовке автор выделяет только одно условие — предмет (выведа за скобки другие требования в рамках принципа надлежащего исполнения), что, по нашему мнению, наиболее убедительно.

Последняя точка зрения более обоснованна и логична, чем остальные позиции. С учетом важности предоставления предмета обязательства в натуре, вокруг которого выстраиваются все остальные установленные соглашением сторон условия (надлежащие лица, срок, место, способ и др.), его следует рассматривать как

ключевое требование в рамках принципа надлежащего исполнения. В связи с этим, если происходит реальное исполнение в отношении предмета обязательства со всеми необходимыми требованиями, можно полагать, что обязательство исполнено надлежаще, т. е. соблюден одноименный принцип.

3. Выводы

Надлежащее и реальное исполнение не просто взаимосвязаны, но и соотносятся как общее и частное. Принцип надлежащего исполнения договорного обязательства охватывает организованную совокупность условий (надлежащие предмет, лица, способ, срок, место и др.), среди которых основополагающим предписанием является исполнение обязательства в натуре (реальное исполнение). Указанные условия могут предусматриваться сторонами в соглашении или содержаться в нормативных правовых актах либо вытекать из обычаев или иных обычно предъявляемых требований. Реальное исполнение (исполнение в натуре) — это требование, предъявляемое к исполнению договорных обязательств, а не самостоятельный принцип, так как у него отсутствует универсальный характер, что проявляется в ограничениях и условиях для его осуществления на практике.

Библиография

- Ананьева, Клара Я. 2017. «Принцип надлежащего исполнения обязательств: понятие, основные элементы». *Юридическая наука* 4: 85–89.
- Брагинский, Михаил И., Василий В. Витрянский. 2011. *Договорное право*. Кн. 1: *Общие положения*. М.: Статут.
- Венедиктов, Анатолий В. 1954. *Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР*. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Волос, Алексей А. 2013. «К вопросу о соотношении надлежащего и реального исполнения обязательства». *Юрист* 2: 31–32.
- Волос, Алексей А. 2015. «Принципы обязательственного права». Дис. ... канд. юрид. наук, Саратовская государственная юридическая академия.
- Гавзе, Файвель И. 1972. *Социалистический гражданско-правовой договор*. М.: Юридическая литература.
- Гурова, Эльвира А. 2018. «Последствия неисполнения кредиторских обязанностей». *Юридический вестник Самарского университета* 4 (1): 114–117.
- Дерхо, Даниил С. 2017. *Исполнение обязательств*. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 2 февраля, 2019. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=103020#0032810956886086595>.
- Ерахтина, Ольга С. 2011. *Договоры в сфере предпринимательской деятельности (проблемы оптимизации правового воздействия)*. Пермь: НИУ ВШЭ — Пермь.
- Ерахтина, Ольга С. 2012. «Правовые принципы и нормы о принудительном исполнении договорных обязательств». *Законы России: опыт, анализ, практика* 12: 50–55.
- Захаркина, Анна В. 2015. «Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву». Дис. ... канд. юрид. наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Иванов, Антон А. 2013. «Идеи А. В. Венедиктова и их отражение в проекте изменений Гражданского кодекса РФ». *Закон* 4: 77–82.
- Иоффе, Олимпиад С. 2004. *Избранные труды*: в 4 т. Т. 3: *Обязательственное право*. СПб.: Юридический центр Пресс.

- Карапетов, Артем Г. 2005. *Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве*. М.: Статут.
- Карапетов, Артем Г. 2015. «Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям». *Закон.ру*. Дата обращения 17 марта, 2019. https://zakon.ru/blog/2015/2/23/reforma_gk_rf_v_chasti_norm_dogovornogo_prava_posle_vtorogo_chteniya_kommentarij_k_osnovnym_polozhen.
- Кархалев, Денис Н. 2017. «Последствия неисполнения обязательства в натуре». *Арбитражный и гражданский процесс* 2: 47–52. Дата обращения 17 марта, 2019. СПС «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2090311959009710346425081973&cacheid=8993BE62C66D8CDEDBB57FD82106AF80&mode=splus&base=CJI&n=104481&rnd=ADFA439D3EFD4F3DCE0D8924692F368#44ndf21nq2q>.
- Красавчиков, Октябрь А. 1985. *Советское гражданское право*: в 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа.
- Краснов, Николай И. 1959. *Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями*. М.: Госюриздат.
- Кулагин, Михаил И. 2004. *Избранные труды по акционерному и торговому праву*. М.: Статут.
- Кулаков, Владимир В. 2015. *Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России*. М.: РГУП.
- Мирончик, Анна С., Артем А. Боровков. 2017. «Неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества в сфере предпринимательской деятельности». *Журнал российского права* 3: 92–100.
- Никитин, Алексей В. 2017. «О переадресовании исполнения обязательства третьему лицу». *Российский юридический журнал* 2: 93–98.
- Новицкий, Иван Б. 1948. «Реальное исполнение обязательств». *Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г.* М.: Юрид. издательство МЮ СССР.
- Сарбаш, Сергей В. 2005. *Исполнение договорного обязательства*. М.: Статут. Дата обращения 17 марта, 2019. СПС «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=499524194014461611436736144&cacheid=D2D8AC2E641FE98A141C6BEDCB5C73B7&mode=splus&base=CMB&n=15486&rnd=ADFA439D3EFD4F3DCE0D8924692F368#2q3g0miey4o>.
- Сарбаш, Сергей В. 2016. *Элементарная догматика обязательств*: учеб. пособие. М.: Статут.
- Свердлык, Григорий А. 1985. «Принципы советского гражданского права». Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Синявская, Мария С. 2007. «Нарушение договорного обязательства и его правовые последствия: основные тенденции в свете сравнительно-правового анализа». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Российская академия правосудия.
- Стрельникова, Галина И. 1998. *Гражданское право*: учебник для вузов. Ч. 1, под ред. Тамары И. Илларионовой, Бронислава М. Гонгало, Владимира А. Плетнева. М.: Норма, Инфра-М.
- Суханов, Евгений А. 2005. *Гражданское право*: в 4 т. Т. 3: *Обязательственное право*. М.: Волтерс Клувер.
- Толстой, Владимир С. 1971. «Понятие надлежащего исполнения обязательства». *Правоведение* 3: 69–78.
- Толстой, Владимир С. 1973. *Исполнение обязательств*. М.: Юридическая литература.
- Филиппова, Софья Ю. 2011. *Частноправовые средства организации и достижения правовых целей*. М.: Статут.
- Филиппова, Софья Ю. 2016. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права»*, под ред. Ларисы В. Санниковой. М.: Статут.
- Хохлов, Вадим А. 2015. *Общие положения об обязательствах*: учеб. пособие. М.: Статут.
- Чайка, Александр А. 2007. «Принцип надлежащего исполнения обязательств». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина.
- Шевченко, Любовь И. 1997. «Реальное исполнение обязательств по праву зарубежных стран и новому ГК». *Новое российское законодательство и практика его применения*: 148–150. Барнаул: издательство Алтайского гос. ун-та.
- Шевченко, Любовь И. 2015. *Договорные отношения в сфере энергетики*. М.: МГИМО-Университет.

- Шумейко, Ирина Ю. 2008. «Принципы надлежащего и реального исполнения обязательств». *Экономический вестник Ростовского государственного университета* 6 (1) 2: 381–383.
- Яковлев, Вениамин Ф. 2012. *Избранные труды*. Т. II: *Гражданское право: История и современность*, в 2 кн. Кн. 1. М.: Статут. Дата обращения 17 марта, 2019. СПС «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СМВ&n=17278#03247132041240264>.

Статья поступила в редакцию 3 июля 2019 г.;
рекомендована в печать 19 июня 2020 г.

Контактная информация:

Алякин Дмитрий Сергеевич — соискатель; alyakin.dmitry@gmail.com

Due and specific performance of contractual obligations under Russian law

D. S. Alyakin

MGIMO-University under the MFA of Russia,
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

For citation: Alyakin, Dmitry S. 2020. “Due and specific performance of contractual obligations under Russian law”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 584–600. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.304> (In Russian)

The article examines the due and specific performance of contractual obligations under Russian law in addition to determining the ratio of these categories among themselves. The relevance of this article stems from the evolution of the market economy and the concomitant increase of the role of contractual performance, which mediates the movement of benefits between the parties of a business transaction. The effectiveness of this process, contributing to the economic growth of the state, is possible if the obligations are duly performed. The aim of the work is to examine the nature and structure of due and specific performance in order to identify their interrelation and value in the course of contractual performance. The research material consisted of the Civil Code of the Russian Federation, Russian jurisprudence, and Russian authors' scientific papers in the field of civil law. The methodological basis involved general scientific (analysis, synthesis, and analogy) and special legal methods (comparative-legal, formal-logical, systemic, structural-functional methods, and method of interpretation). The allocation of the principle of due contractual performance under Russian law is justified. Herewith, due and specific performance are not just closely interrelated, but they are related overall and as components. It seems appropriate to consider specific performance as an element of the above-mentioned principle. However, specific performance is not a principle due to its lack of universality caused by certain restrictions and conditions for its implementation, taking into account the existing legal regulation and current practice. At the same time, specific performance continues to play an important role in the course of primarily long-term contractual performance and the performance of obligations arising from contracts involving monopolistic companies.

Keywords: contractual performance, principle of due performance, requirement of specific performance, Russian law, civil law.

References

- Anaņeva, Klara Ia. 2017. “Principle of due performance of obligations: concept, basic elements”. *Iuridicheskaia nauka* 4: 85–89. (In Russian)

- Braginskii, Mikhail I., Vasilii V. Vitrianskii. 2011. *Contract law*. Book 1: *General provisions*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Chaika, Aleksandr A. 2007. "Principle of due performance of obligations". PhD Thesis Abstract, Riazanskii gosudarstvennyi universitet im. S. A. Esenina. (In Russian)
- Derkho, Daniil S. 2017. "Performance of obligations". Prepared for SPS "Konsul'tantPlus". Accessed February 2, 2019. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=103020#0032810956886086595>. (In Russian)
- Erakhtina, Ol'ga S. 2011. *Contracts in the field of business activity (problems of optimisation of legal impact)*. Perm, NIU VSHE — Perm Publ. (In Russian)
- Erakhtina, Ol'ga S. 2012. "Legal principles and rules on the enforcement of contractual obligations". *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* 12: 50–55. (In Russian)
- Filippova, Sof'ia Iu. 2011. *Private law means of organisation and achievement of legal goals*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Filippova, Sof'ia Iu. 2016. *Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article comment to section III General part of the law of obligations*, ed. by Larisa V. Sannikova. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Gavze, Faivel' I. 1972. *Socialist civil law contract*. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ. (In Russian)
- Gurova, El'vira A. 2018. "Consequences of a breach of creditor's duties". *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* 4 (1): 114–117. (In Russian)
- Iakovlev, Veniamin F. 2012. *Selected papers*. Vol. II: *Civil law: History and modernity*, in 2 books. Book 1. Moscow, Statut Publ. Accessed March 17, 2019. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17278#03247132041240264>. (In Russian)
- Ioffe, Olimpiad S. 2004. *Selected papers*, in 4 vols. Vol. 3: *Law of obligations*. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Ivanov, Anton A. 2013. "Ideas of A. V. Venediktov and their reflection in the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation". *Zakon* 4: 77–82. (In Russian)
- Karapetov, Artem G. 2005. *Forfeit as a creditor's remedy under the Russian and foreign law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Karapetov, Artem G. 2015. "Reform of the Civil Code of the Russian Federation in terms of contractual law after the second reading: commentary on the basic provisions". *Zakon.ru*. Accessed March 17, 2019. https://zakon.ru/blog/2015/2/23/reforma_gk_rf_v_chasti_norm_dogovornogo_prava_posle_vtorogo_chteniya_kommentarij_k_osnovnym_polozen. (In Russian)
- Karkhalev, Denis N. 2017. "Consequences of a lack of specific performance of an obligation". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* 2: 47–52. Accessed March 17, 2019. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2090311959009710346425081973&cacheid=8993BE62C66D8CDEDBB57FD82106AF80&mode=splus&base=CJI&n=104481&rnd=ADFA439D3EFDF4F3DCE0D892469-2F368#44ndf21nq2q>. (In Russian)
- Khokhlov, Vadim A. 2015. *General provisions on obligations: textbook*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Krasavchikov, Oktiabr' A. 1985. *Soviet civil law: in 2 vols*. Vol. 1. Moscow, Vysshaja shkola Publ. (In Russian)
- Krasnov, Nikolai I. 1959. *Specific performance of contractual obligations between socialist organisations*. Moscow, Gosiurizdat Publ. (In Russian)
- Kulagin, Mikhail I. 2004. *Selected papers on corporate and trade law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Kulakov, Vladimir V. 2015. *Termination of obligations under the Russian civil law*. Moscow, RGUP Publ. (In Russian)
- Mironchik, Anna S., Artem A. Borovkov. 2017. "Non-performance of contractual obligations as a sign of fraud in the field of business activity". *Zhurnal rossiiskogo prava* 3: 92–100. (In Russian)
- Nikitin, Aleksei V. 2017. "Redirection of performance of an obligation to a third party". *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 2: 93–98. (In Russian)
- Novitskii, Ivan B. 1948. "Specific performance of obligations". *Trudy nauchnoi sessii Vsesoiuznogo instituta iuridicheskikh nauk, 1–6 iuliia 1946 g.* Moscow, Iurid. izdatelstvo MIU SSSR Publ. (In Russian)
- Sarbash, Sergei V. 2005. *Performance of a contractual obligation*. Moscow, Statut Publ. Accessed March 17, 2019. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=499524194014461611436736144&cacheid=D2D8AC2E641FE98A141C6BEDCB5C73B7&mode=splus&base=CMB&n=15486&rnd=ADFA439D3EFDF4F3DCE0D8924692F368#2q3g0miey4o>. (In Russian)

- Sarbash, Sergei V. 2016. *Basic dogma of obligations*: textbook. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Shevchenko, Liubov' I. 1997. "Specific performance of obligations under the law of foreign countries and the new Civil Code". *Novoe rossiiskoe zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniia*: 148–150. Barnaul, Altai State University Publ. (In Russian)
- Shevchenko, Liubov' I. 2015. *Contractual relationships in the field of energy*. Moscow, MGIMO-University Publ. (In Russian)
- Shumeiko, Irina Iu. 2008. "Principles of due and specific performance of obligations". *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* 6 (1) 2: 381–383. (In Russian)
- Siniavskaia, Mariia S. 2007. "Breach of a contractual obligation and its legal consequences: main trends in the context of a comparative legal analysis". PhD Thesis Abstract, Rossiiskaia akademiia pravosudiia. (In Russian)
- Strelnikova, Galina I. 1998. *Civil law*: textbook for universities. Part 1, eds Tamara I. Illarionova, Bronislav M. Gongalo, Vladimir A. Pletnev. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ. (In Russian)
- Sukhanov, Evgenii A. 2005. *Civil law*: in 4 vols. Vol. 3: *Law of obligations*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (In Russian)
- Sverdlyk, Grigorii A. 1985. "Principles of Soviet Civil Law". PhD Thesis Abstract, Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova. (In Russian)
- Tolstoi, Vladimir S. 1971. "Concept of due performance of an obligation". *Pravovedenie* 3: 69–78. (In Russian)
- Tolstoi, Vladimir S. 1973. *Performance of obligations*. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ. (In Russian)
- Venediktov, Anatolii V. 1954. *Civil law protection of socialist property in the USSR*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. (In Russian)
- Volos, Aleksei A. 2013. "Ratio of due and specific performance of an obligation". *Iurist* 2: 31–32. (In Russian)
- Volos, Aleksei A. 2015. "Principles of the law of obligations". PhD Thesis, Saratovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaiia akademiia. (In Russian)
- Zakharkina, Anna V. 2015. "Optional obligations under the Russian civil law". PhD Thesis, Permskii gosudarstvennyi natsionalnyi issledovatel'skii universitet. (In Russian)

Received: July 3, 2019
Accepted: June 19, 2020

Author's information:

Dmitry S. Alyakin — Postgraduate Student; alyakin.dmitry@gmail.com